

НАРОДЫ ОТСТОЯТ МИР!

ветский народ, борющийся за прочный мир во всем мире.

Текст Обращения гласит: «В настоящее время некоторые правительства готовятся развязать атомную войну. Они хотят внушить народы мысль о ее неизбежности.

Применение атомного оружия привело бы к истребительной войне.

Мы заявляем, что правительство, которое развязет атомную войну, будет лишено доверия своего народа и будет осуждено всеми народами.

Мы выступаем против тех, кто подготавливает атомную войну.

Мы требуем уничтожения во всех странах запасов атомного оружия и немедленного прекращения его производства.

В Китае, Румынии, Венгрии, в ряде других стран уже широко развернулся сбор подписей под этим Обращением.

Миллионы подписей

Есть в Китае древняя поговорка: «Если народ вздохнет разом — будет буря, если народ топнет ногой — будет землетрясение».

Миллионы подписей под Венским Обращением Всемирного Совета Мира, уже собранных в Китае, — сурвое предупреждение китайского народа тем, кто раздувает атомную истерию, кто грозит войной.

...Пекин. Площадь Тяньаньмэнь. У темноокраинных трибун — воины Народно-освободительной армии. Мы привыкли видеть из здесь на Первомайской параде или 1 октября, когда празднует гибельщина рождения Китайской Народной Республики. Сегодня они собирались сюда, чтобы поставить свои подписи под Обращением Всемирного Совета Мира. Белые листы бумаги, развернутые на столах, заполнили подписи. Ветер кольется свищущими со столов плакатами: «Мы требуем уничтожения во всех странах запасов атомного оружия и немедленного прекращения его производства», — гласят иероглифы на плакатах.

Площадь согрета теплыми лучами солнца. В Пекине — начало весны. Всего недели, как началась в китайской столице сбор подписей, а уже около трех миллионов пекинцев и крестьян пригородных деревень скрепили своими именами Обращение.

На собрании работников литературы и искусства Пекина по-молодому звал голос старшего в Китае народного художника Ци Байши.

— Мне в этом году исполнилось 95 лет, — начал он свою речь.

Внимательно слушали слова Ци Байши писатели Мао Дунь, Ло Ша, Диан Лин, ветеран китайской сцены Мэй Ланьфан, известная киноактриса Чжан Юйфан, композитор Чжоу Вэйчи.

— Я думаю, что все люди на земле, — продолжил Ци Байши, — любят мир и спокойствие, любят свой семейный очаг, своих сыновей и внуков. Любить мир — это значит защищать мир, а защищать мир — это значит бороться против применения зловещей веши — атомной бомбы! Я твердой рукой ставлю свою подпись под Венским Обращением к народам всего мира.

Горячие аллюзии покрыли по-специальные слова старшего художника.

Всего о том, что китайский народ решительно осуждает атомщиками, идут в Пекин со всех концов страны. От Людчинского зала до отрогов Гималайских гор и берегов Южно-Китайского моря, повсюду — на улицах городов и сел Китая, в цехах заводов и фабрик, на строительных площадках, ввойчих китайцах

ПЕКИН. (Наш корр.)

Великая сила

На улицах Будапешта продают подснежники и фиалки — первые предвестники весны. Люди еще ходят в зимнем пальто, но ветер с Дунаем уже наполняет воздух.

Скоро для нас, венгров, наступит действительно свободная весна.

Десять лет назад на улицах Будапешта не было цветов. Столица лежала в развалинах. Измученные люди выбирались из воздуха под завалов и бункеров. В их глазах была ненависть, ненависть к немецким фашистам, которые пытались погубить нашу страну.

Десять лет прошло с тех пор, но мы хорошо помним, как пришла первая помощь и появился луч надежды. Первый кусок хлеба мы получили от советских воинов. Первый понтонный мост через Дунай построили советские солдаты. Первое сырье для заводов и фабрик привезли нам советский народ. Наша страна встала на путь свободной жизни.

Почему я напоминаю об этом? Потому что в эти дни, недели мои любимой родины идет на встречу празднику освобождения — 4 апреля. Исторически одно десятилетие совсем небольшое время. Но для нашего народа эти годы были годами возрождения.

Мы сумели воспользоваться свободой, которую принесли нам советские солдаты. Мы проделали большой и прекрасный путь. Но сейчас, когда страна готовится к великому празднику, когда мы подводим итоги, нас не может не тревожить, что на Западе вновь встаёт на ноги давний враг венгерского народа — немецкий милитаризм. Нас не может не волновать, что поджигатели войны угрожают миру атомными и водородными бомбами, грозят истреблением миллионов людей.

Почему мы говорим вермахту: «Нет»? Передайте летопись нашей истории, и вы найдете в ней ответ. На протяжении двухсот лет несли мы игру немецких подагогов. Все слезы, скорбь, запечатлевшиеся на страницах этой истории, — плоды немецкого милитаризма. Поэтому мы против возрождения вермахта. Поэтому гневно протестуем против парижских соглашений. Поэтому привет-

Ева СИЛАДИ,
венгерская журналистка

Долг всех честных людей

Свою подпись под Обращением Всемирного Совета Мира я поставила с глубоким волнением, чувствуя, что подпишу один из важнейших документов нашего времени.

Знаки... буквы, написанные чернилами или химическими карандашом на белой бумаге... Два, три слова ими. Человек! За этим именем — непреодолимая сила жизни, радость солнца и смех детей, шум лесных просторов, как им — жаждя строить и создавать, видеть плоды своего труда, плоды мирного использования энергии атома, этого нового великого источника расцвета человечества.

Тысячи, миллионы, сотни миллионов подобных знаков, букв, подписей, написанных славянскими, готическими и арабскими буквами, китайскими иероглифами. Они составляют огромные тома, которые поездами и пароходами, самолетами и автомашинами поступают в национальные Комитеты Защиты Мира. Горы томов!

Враги человечества должны научиться читать эти знаки! Они должны научиться языку нашего времени!

Мария БАНУШ,
румынская писательница

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 24 (3369)

Четверг, 24 февраля 1955 г.

Цена 40 коп.

Страна готовится к выборам в Советы

На крутом берегу

Этому человеку перевалило за шестьдесят. У него высокий лоб и густые каштановые волосы. Фигура немногого грузна, но плечи и грудь развернуты широко, по-солдатски. В больших переходах он опирается на палку, потому что едва заметно прихрамывает. Это сын крестьянина из деревни Большие Абакасы. Детство он провел в курьей избе.

На первые двадцать копеек, заработанные в лесу, мальчик купил у охотничьей тещи книжку Пушкина. А зарабатывая рубль, он пешком пошел в уездный городок Чебоксары, чтобы достать там сочинение Пушкина, Лермонтова и Некрасова. На чuvашском языке он стихов никогда не слышал, но, читая эти редчайшие для деревни книги, он понял, что есть реальная сила — поэзия. В Чебоксарах он попытался найти дом, где можно читать книги. Библиотеки там не было. Из учебных заведений в Чебоксарах дозволено было иметь одно духовное училище. Подросток вернулся в курную избу в Абакасы. Площадь согрета теплыми лучами солнца. В Пекине — начало весны.

Всего недели, как началась в китайской столице сбор подписей, а уже около трех миллионов пекинцев и крестьян имелись изображения со столов плакатов:

«Бороться против атомного оружия!»

— эти слова в сердцах наших хлопкоробов. Американские империалисты задумали развязать новую войну, грозят применить атомную бомбу. Мы, крестьяне, говорим: нас не запугают!

В Пекине дыхание весны, а в Аньшане зимнее солнце с трудом пробивает туманную утреннюю дымку. В заводские ворота вливается утренняя смесь. Металлурги изображениями атомного оружия и немедленного прекращения его производства. Площадь согрета теплыми лучами солнца. В Пекине — начало весны.

Всего недели, как началась в китайской столице сбор подписей, а уже около трех миллионов пекинцев и крестьян имелись изображения со столов плакатов:

«Бороться против атомного оружия!»

— эти слова в сердцах наших хлопкоробов. Американские империалисты задумали развязать новую войну, грозят применить атомную бомбу. Мы, крестьяне, говорим: нас не запугают!

В Пекине дыхание весны, а в Аньшане зимнее солнце с трудом пробивает туманную утреннюю дымку. В заводские ворота вливается утренняя смесь. Металлурги изображениями атомного оружия и немедленного прекращения его производства. Площадь согрета теплыми лучами солнца. В Пекине — начало весны.

Всего недели, как началась в китайской столице сбор подписей, а уже около трех миллионов пекинцев и крестьян имелись изображения со столов плакатов:

«Бороться против атомного оружия!»

— эти слова в сердцах наших хлопкоробов. Американские империалисты задумали развязать новую войну, грозят применить атомную бомбу. Мы, крестьяне, говорим: нас не запугают!

В Пекине дыхание весны, а в Аньшане зимнее солнце с трудом пробивает туманную утреннюю дымку. В заводские ворота вливается утренняя смесь. Металлурги изображениями атомного оружия и немедленного прекращения его производства. Площадь согрета теплыми лучами солнца. В Пекине — начало весны.

Всего недели, как началась в китайской столице сбор подписей, а уже около трех миллионов пекинцев и крестьян имелись изображения со столов плакатов:

«Бороться против атомного оружия!»

— эти слова в сердцах наших хлопкоробов. Американские империалисты задумали развязать новую войну, грозят применить атомную бомбу. Мы, крестьяне, говорим: нас не запугают!

В Пекине дыхание весны, а в Аньшане зимнее солнце с трудом пробивает туманную утреннюю дымку. В заводские ворота вливается утренняя смесь. Металлурги изображениями атомного оружия и немедленного прекращения его производства. Площадь согрета теплыми лучами солнца. В Пекине — начало весны.

Всего недели, как началась в китайской столице сбор подписей, а уже около трех миллионов пекинцев и крестьян имелись изображения со столов плакатов:

«Бороться против атомного оружия!»

— эти слова в сердцах наших хлопкоробов. Американские империалисты задумали развязать новую войну, грозят применить атомную бомбу. Мы, крестьяне, говорим: нас не запугают!

В Пекине дыхание весны, а в Аньшане зимнее солнце с трудом пробивает туманную утреннюю дымку. В заводские ворота вливается утренняя смесь. Металлурги изображениями атомного оружия и немедленного прекращения его производства. Площадь согрета теплыми лучами солнца. В Пекине — начало весны.

Всего недели, как началась в китайской столице сбор подписей, а уже около трех миллионов пекинцев и крестьян имелись изображения со столов плакатов:

«Бороться против атомного оружия!»

— эти слова в сердцах наших хлопкоробов. Американские империалисты задумали развязать новую войну, грозят применить атомную бомбу. Мы, крестьяне, говорим: нас не запугают!

В Пекине дыхание весны, а в Аньшане зимнее солнце с трудом пробивает туманную утреннюю дымку. В заводские ворота вливается утренняя смесь. Металлурги изображениями атомного оружия и немедленного прекращения его производства. Площадь согрета теплыми лучами солнца. В Пекине — начало весны.

Всего недели, как началась в китайской столице сбор подписей, а уже около трех миллионов пекинцев и крестьян имелись изображения со столов плакатов:

«Бороться против атомного оружия!»

— эти слова в сердцах наших хлопкоробов. Американские империалисты задумали развязать новую войну, грозят применить атомную бомбу. Мы, крестьяне, говорим: нас не запугают!

В Пекине дыхание весны, а в Аньшане зимнее солнце с трудом пробивает туманную утреннюю дымку. В заводские ворота вливается утренняя смесь. Металлурги изображениями атомного оружия и немедленного прекращения его производства. Площадь согрета теплыми лучами солнца. В Пекине — начало весны.

Всего недели, как началась в китайской столице сбор подписей, а уже около трех миллионов пекинцев и крестьян имелись изображения со столов плакатов:

«Бороться против атомного оружия!»

— эти слова в сердцах наших хлопкоробов. Американские империалисты задумали развязать новую войну, грозят применить атомную бомбу. Мы, крестьяне, говорим: нас не запугают!

В Пекине дыхание весны, а в Аньшане зимнее солнце с трудом пробивает туманную утреннюю дымку. В заводские ворота вливается утренняя смесь. Металлурги изображениями атомного оружия и немедленного прекращения его производства. Площадь согрета теплыми лучами солнца. В Пекине — начало весны.

Всего недели, как началась в китайской столице сбор подписей, а уже около трех миллионов пекинцев и крестьян имелись изображения со столов плакатов:

«Бороться против атомного оружия!»

— эти слова в сердцах наших хлопкоробов. Американские империалисты задумали развязать новую войну, грозят применить атомную бомбу. Мы, крестьяне, говорим: нас не запугают!

Евг. ШАТУНОВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

шлось. Многим из жителей села просто не до него, иным это даже выгодно — с пьяницей проще договориться, а третий разводят руками — и что же теперь делать? И пока райсовет сам не снимет такого, люди порой терпят его, вместо того чтобы немедленно убрать мздоимца или пьяницу.

Петропавловск. Мир стал шире. И в Петрограде они в первый раз услышали слово о мире. Говорят Ленин.

Дом Эльгер вернулся в рваной шинели, худой, обросший, хромой.

Слов не надо было искать. Они находились сами. Говорил и о том, что видел, и о том, что слышал в Петре, писал и стихи об этом.

Молодого солдата крестьяне выбрали председателем колхозников. Солдат составил приказы, собирая хлеб для армии, писал песни. Он не знал, что в эти же дни в Чебоксарах дв

ДО ПРИЗЫВА в армию Григорий Аптечкин работал техником-архитектором в Смоленске.

Осенью он и ленинградец Шевченко, шофер Шунейкин, радиотехник Самусенков, рыбак Уваров, сельский киномеханик Марков и сельский учитель Рыпан — все встали в одну широкую. На правом фланге — сержант Горчук и сержант Лемко, принесшие в армию двумя годами раньше. Перед строем — старший лейтенант Чигров, комендант взвода.

— Взвод, слушай мою команду!

Так началась армейская жизнь Григория Аптечкина. Днем оно для всех глубоко познавало он: армия сегодня — это огромная школа, в которой есть своя начальная, и средняя, и высшая ступень. Вот старшина Ратушан пришел служить из далекого малавского села — он плохо читал по-русски, а ныне сверхсрочник Ратушан рассказывает рядовому Пендуку, своему земляку — учителю из поселка Кининцева, что значит стать знающим, дисциплинированным воином. И никого не удивляет, что преподаватель литературы из Станислава Мирон Рыпана постигает основы электротехники, чтобы стать рядовым военным телефонистом, и одновременно кончает заочный педагогический институт.

Из тех товарищей, по взводу ближе других Григорию Аптечкину пришелся по сердцу Иван Шевченко. Оба они до армии работали в Смоленске и даже специальности родственные: один — архитектор, другой — ленинградец 7-го разряда, оформлял новое здание Дома Советов. Оба привыкли с уважением судить о воинском долге: отец Ивана Шевченко, так же как и отец Григория, погиб на войне ради того, чтобы сегодня наши дети учились, строили и украшали свою жизнь. Было для друзей и два особых обстоятельства. Во-первых, комсомольцам Аптечкину и Шевченко было поручено оформлять стенную газету, и деревни это было увлечено, со вкусом.

А во-вторых... письма. Чаще всего солдатская пружина начинается с чтения писем друг другу полученных писем. Ведь не каждого доверишь свое письмо.

— Что, Иван, письмо получил? Небось, от Майи...

— Нет, это — от Копелистого. Мы с ним вместе художественное училище кончили. А теперь неподалеку служит.

Ночью, если дежурство на коммутаторе протекает спокойно, дежурный телефонист Иван Шевченко пишет письма старому другу. Он рассказывает ему о Григории Аптечкине, о стэндже, о том, как протекает служба и куда ходят он воскресными днем «в увольнение». «А еще напиши, сколько ли у вас нашу солдатскую песню:

Мы порою писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко ушли от дома».

Загорелась лампочка на коммутаторе.

— «Гранит» слушает!.. Рядовой Шевченко... Есть... Товарищ подпольщик. Есть... Ясно!

«Гранит» на чеку и днем и ночью.

**

Летопись части начинается так: «6 июля 1941 года в здании Московского института стали имени Сталина была открыта выставка советских писателей, памятных патронов Родин, готовых немедленно выступить против озверелых фашистских орд. Сюда в эти дни непрерывным потоком шли лучшие люди нашей столицы — рабочие, инженеры, профессора и студенты, коммунисты и беспартийные, юные поколия женщины и юные девушки, юные поколения научных работников и юные молодежь».

Первый бой пивизия принял через два месяца — 6 сентября в районе Спас-Деменска, а еще три месяца спустя, в памятное дебютское утро, войска, оборонявшие столицу, нанесли удар по заряжавшемуся врагу, нанесли удар по заряжавшемуся врагу, нанесли удар по заряжавшемуся врагу.

Новая страница летописи — февраль 1942 года, под северо-западнее Мценска. Затем — бой под Орлом и Курском, форсирование Днепра. Польша. Наконец, Германия, плацдарм на Одере, наступление на

ГРАНИТ

Вадим СОКОЛОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Берлин. «Слово «Берлин» в эти годы и ночью, ни днем не сошло с уст солдат и командиников — лаконично повествует летопись. В конце последней боевой страницы — справка: «На Эльбе дивизия несла службу в соприкосновении с английскими войсками возле города Клинг и на участке Шенфельд — Либэрс».

Десятый год часть живет мирной, трудовой учебной жизнью. Старшина Володченко — единственный, кто безвыездно остается в части со дня ее рождения, — боевой старшина Володченко, командир первого отделения, под чином руководством воевали и стали Героями Советского Союза: Ефимов, Бердинцев, сержанты Ильев, Тимоненко, Казанов, отличившиеся при форсировании Днепра (а сам Володченко отличился уже в Берлине, взорвав важный стратегический мост), старшина Володченко сегодня скромно заведует солдатской столовой, справедливо утверждая, что без его хозяйства «не пойдет впрок любая боявая чи политическая подготовка». Но это значит, что старшина Володченко забыл свое

— Взвод, слушай мою команду!

Так началась армейская жизнь Григория Аптечкина. Днем оно для всех глубоко познавало он: армия сегодня — это огромная

школа, в которой есть своя начальная, и средняя, и высшая ступень. Вот старшина Ратушан пришел служить из далекого малавского села — он плохо читал по-русски, а ныне сверхсрочник Ратушан рассказывает рядовому Пендуку, своему земляку — учителю из поселка Кининцева, что значит стать знающим, дисциплинированным воином. И никого не удивляет, что преподаватель литературы из Станислава Мирон Рыпана постигает основы электротехники, чтобы стать рядовым военным телефонистом, и одновременно кончает заочный педагогический институт.

Из тех товарищей, по взводу ближе других Григорию Аптечкину пришелся по сердцу Иван Шевченко. Оба они до армии работали в Смоленске и даже специальности родственные: один — архитектор, другой — ленинградец 7-го разряда, оформлял новое здание Дома Советов. Оба привыкли с уважением судить о воинском долге: отец Ивана Шевченко, так же как и отец Григория, погиб на войне ради того, чтобы сегодня наши дети учились, строили и украшали свою жизнь. Было для друзей и два особых обстоятельства. Во-первых, комсомольцам Аптечкину и Шевченко было поручено оформлять стенную газету, и деревни это было увлечено, со вкусом.

А во-вторых... письма. Чаще всего солдатская пружина начинается с чтения писем друг другу полученных писем. Ведь не каждого доверишь свое письмо.

— Что, Иван, письмо получил? Небось, от Майи...

— Нет, это — от Копелистого. Мы с ним вместе художественное училище кончили. А теперь неподалеку служит.

Ночью, если дежурство на коммутаторе

протекает спокойно, дежурный телефонист Иван Шевченко пишет письма старому другу. Он рассказывает ему о Григории Аптечкине, о стэндже, о том, как протекает служба и куда ходят он воскресными днем «в увольнение». «А еще напиши, сколько ли у вас нашу солдатскую песню:

Мы порою писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко ушли от дома».

Загорелась лампочка на коммутаторе.

— «Гранит» слушает!.. Рядовой Шевченко... Есть... Товарищ подпольщик. Есть... Ясно!

«Гранит» на чеку и днем и ночью.

— Что, Иван, письмо получил? Небось,

от Майи...

— Нет, это — от Копелистого. Мы с ним вместе художественное училище кончили. А теперь неподалеку служит.

Ночью, если дежурство на коммутаторе

протекает спокойно, дежурный телефонист Иван Шевченко пишет письма старому другу. Он рассказывает ему о Григории Аптечкине, о стэндже, о том, как протекает служба и куда ходят он воскресными днем «в увольнение». «А еще напиши, сколько ли у вас нашу солдатскую песню:

Мы порою писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко ушли от дома».

Загорелась лампочка на коммутаторе.

— «Гранит» слушает!.. Рядовой Шевченко... Есть... Товарищ подпольщик. Есть... Ясно!

«Гранит» на чеку и днем и ночью.

— Что, Иван, письмо получил? Небось,

от Майи...

— Нет, это — от Копелистого. Мы с ним вместе художественное училище кончили. А теперь неподалеку служит.

Ночью, если дежурство на коммутаторе

протекает спокойно, дежурный телефонист Иван Шевченко пишет письма старому другу. Он рассказывает ему о Григории Аптечкине, о стэндже, о том, как протекает служба и куда ходят он воскресными днем «в увольнение». «А еще напиши, сколько ли у вас нашу солдатскую песню:

Мы порою писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко ушли от дома».

Загорелась лампочка на коммутаторе.

— «Гранит» слушает!.. Рядовой Шевченко... Есть... Товарищ подпольщик. Есть... Ясно!

«Гранит» на чеку и днем и ночью.

— Что, Иван, письмо получил? Небось,

от Майи...

— Нет, это — от Копелистого. Мы с ним вместе художественное училище кончили. А теперь неподалеку служит.

Ночью, если дежурство на коммутаторе

протекает спокойно, дежурный телефонист Иван Шевченко пишет письма старому другу. Он рассказывает ему о Григории Аптечкине, о стэндже, о том, как протекает служба и куда ходят он воскресными днем «в увольнение». «А еще напиши, сколько ли у вас нашу солдатскую песню:

Мы порою писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко ушли от дома».

Загорелась лампочка на коммутаторе.

— «Гранит» слушает!.. Рядовой Шевченко... Есть... Товарищ подпольщик. Есть... Ясно!

«Гранит» на чеку и днем и ночью.

— Что, Иван, письмо получил? Небось,

от Майи...

— Нет, это — от Копелистого. Мы с ним вместе художественное училище кончили. А теперь неподалеку служит.

Ночью, если дежурство на коммутаторе

протекает спокойно, дежурный телефонист Иван Шевченко пишет письма старому другу. Он рассказывает ему о Григории Аптечкине, о стэндже, о том, как протекает служба и куда ходят он воскресными днем «в увольнение». «А еще напиши, сколько ли у вас нашу солдатскую песню:

Мы порою писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко ушли от дома».

Загорелась лампочка на коммутаторе.

— «Гранит» слушает!.. Рядовой Шевченко... Есть... Товарищ подпольщик. Есть... Ясно!

«Гранит» на чеку и днем и ночью.

— Что, Иван, письмо получил? Небось,

от Майи...

— Нет, это — от Копелистого. Мы с ним вместе художественное училище кончили. А теперь неподалеку служит.

Ночью, если дежурство на коммутаторе

протекает спокойно, дежурный телефонист Иван Шевченко пишет письма старому другу. Он рассказывает ему о Григории Аптечкине, о стэндже, о том, как протекает служба и куда ходят он воскресными днем «в увольнение». «А еще напиши, сколько ли у вас нашу солдатскую песню:

Мы порою писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко ушли от дома».

Загорелась лампочка на коммутаторе.

— «Гранит» слушает!.. Рядовой Шевченко... Есть... Товарищ подпольщик. Есть... Ясно!

«Гранит» на чеку и днем и ночью.

— Что, Иван, письмо получил? Небось,

от Майи...

— Нет, это — от Копелистого. Мы с ним вместе художественное училище кончили. А теперь неподалеку служит.

Ночью, если дежурство на коммутаторе

протекает спокойно, дежурный телефонист Иван Шевченко пишет письма старому другу. Он рассказывает ему о Григории Аптечкине, о стэндже, о том, как протекает служба и куда ходят он воскресными днем «в увольнение». «А еще напиши, сколько ли у вас нашу солдатскую песню:

Мы порою писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко ушли от дома».

Загорелась лампочка на коммутаторе.

— «Гранит» слушает!.. Рядовой Шевченко... Есть... Товарищ подпольщик. Есть... Ясно!

«Гранит» на чеку и днем и ночью.

— Что, Иван, письмо получил? Небось,

от Майи...

— Нет, это — от Копелистого. Мы с ним вместе художественное училище кончили. А теперь неподалеку служит.

Ночью, если дежурство на коммутаторе

протекает спокойно, дежурный телефонист Иван Шевченко пишет письма старому другу. Он рассказывает ему о Григории Аптечкине, о стэндже, о том, как протекает служба и куда ходят он воскресными днем «в увольнение». «А еще напиши, сколько ли у вас нашу солдатскую песню:

Мы порою писем ждем крылатых,
Вспоминая девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко ушли от дома».

Новые сатирические спектакли

ЛЕНИНГРАДСКИЙ Театр комедии так долго преспеловали ошибки, неудачи, провалы, что зритель начинал уже сомневаться в его жизнеспособности. Оказывается, и внутри коллектива театра было горькое ощущение неудовлетворенности — и он взялся за большую, ответственную задачу. Театр обратился к классике сатиры и начал работу над спектаклем «Помпадур и помпадурин».

Многое в судьбе этой работы зависело от инсценировки, написанной К. Кривошениным. К инсценировкам у нас часто относятся так: если спектакль неудачен, то вина за провал обычно полностью возлагается на инсценировку; если критики оценивают спектакль положительно, то он обязательно скажет, что спектакль получился, «вопреки» неблагодарному для исполнителей материала. Случай, происшедший в Театре комедии, — случай особой спектакль здесь получился не вопреки, а благодаря добровольной и щадящей работе автора инсценировки. Радует, что есть недостатки — бесплодия, неполноты некоторых персонажей, склонность к наложкам, весьма, впрочем, немногими. Но автору удалось, бережно относясь к тексту Щедрина, создать пьесу с единым гением и единственным действием.

Театр привел в качестве постановки Г. Товстоногова, ему помогал режиссер И. Ханзель. Товстоногов изменил, уточнил отдельные эпизоды инсценировки, — так, он разбил первый большой эпизод, в котором молодой человек, будущий помпадур, ищет протекции у знатной родни, на несколько коротких, быстрых сцен. Молодой помпадур вошел в жизнь: вот он у книжки Чечупиладзе-вой Ульяновской, давно вы-

Щедринская проза на сцене

жившей из ума и путающей, при каком дворе она служила — то ли при царице Тамаре, то ли при Елизавете Петровне; вот он у ее дрезе — князя Оболдина-Тарасова, потом у влиятельного лица, потом у очень влиятельного лица. Всюду его принимают, наставляют, устраивают ему помадурство...

В таком резком и стремительном ритме поставлен весь спектакль. События как бы набегают одно на другое, не вероятность их нарастает, карьера молодого помпадура быстро движется к апогею. Есть в цикле «Помпадур и помпадурин» знаменитое отступление от автора, в котором Щедрин, рассказывая о своем творческом методе, характеризует одного из персонажей: «...приматривалась к нему... пишет он, — я убеждаюсь, что... голова его полна бредней, которые, смотря по обстоятельствам, принимают благоприятный или неблагоприятный для обывателя характер. Многие из этих бредней до того фантастичны, что он сам старается скрыть их, но я люблю его на полуслове, я использую всякий темный намеком, всякий минутным излиянием, и с помощью ряда усилий вступаю твердой ногой в храмину другой, не объединенной, а скрытой действительности, которая одна и представляет верное мерилом для все-сторонней оценки человека». Эти слова стали как бы ключом к решению и спектакля и отдельных образов.

Каждая сцена отмечена бытовым правдоподобием, но по мере развития ее был словно начинает смещаться, все правдоподобно-бытовое становится неправдоподобным, фантастическим, бредовым, невероятным. Возникает вто-рой и подлинный план действий, та самая «нейзельба-

ния», карикатура, которая и есть действительность чиновничего, помесицкого, дворянского, помпадурского мира. Этому переключению из бытия в фантастику способствует резкая, острая, ироническая музыка В. Маклакова.

Мы слишком часто, в со-

жалению, видели за последни-ми годы робкие, тихие, осторожные спектакли, ко-то-рые режиссеры больше вс-го стремятся к тому, чтобы быть незаметными, невидимыми, неслышимыми. Они боятся ре-акций и яркой краски, громкой речи, подчеркнутой детали, способности. Товстоногов не боится ни резкости, ни остро-ты, ни яркости. Есть в спек-такле детали и даже сцены, которые критик, лобзящий стяжательство и робость на сцене, мог бы упрекнуть в ве-домственности, а может быть, даже и в благородности, фар-совости. Но сатира не терпит робости и осторожности. В этом плане по ре-акции и смелости спек-такля, поставленный Товстоноговым, в близком родстве с лучшими сатирическими спектаклями последних лет: с работой В. Канциля «Ма-стерица варить капу» в Театре Советской Армии и с работой Н. Петрова, В. Плу-чика и С. Ютиевича «Баня» в Театре сатиры.

Молодой помпадур, центрального «героя», превосходно играет Н. Трофимов. В первых эпизодах он похож на водевильного балбеса — шалопай, кутила, мот. Но вот он прибывает в провинциальный город и вступает в исполнение обязанностей, и сам с удивлением стал присматриваться и прислушиваться к себе. «Голова его полна бредней». Мысли его имеют настолько фантастический и бредовой характер, что на лице его сперва появляется испуг, и он жадно всмат-

риается, как впечатление произвело на собеседни-ков. На лицах окружающих — восторг и умиление. Тогда он присасывает-ся, на лице его появляется самодовольное выражение, очредная помпадурская не-делая затея приводит в дви-жение весь канцелярско-чи-ничий механизм.

Театр комедии отдал спектаклю все свои лучшие актерские силы. И зритель имел возможность оценить, каким сильным актерским ансамблем обладает театр. Особенно запоминаются А. Бениаминов (Бланже), И. Зарубина (Надежда Петровна), Л. Кровицкий (правитель канцелярии Разумник Семенович), В. Осинов (помещик Праведный).

Художник С. Мандель по-

старался поддержать постанов-чики и всю свою работу под-чинил общему замыслу спек-такля. Декорации воспроиз-водят тот же ход — от быта к преувеличению, карикатуре, фантастике. Отдельные пред-меты на сцене имеют все признаки подлинности, но только резко преувеличены в размерах; в других — иро-нически подчеркнуты их безвкусия, искренность, уродство. Изобретательно и ост-роумно сделан занавес — огромный темпозеленый чи-новничий мундир со стоячими красными воротниками; поль-ми мундиром поднимаются, когда начинается действие.

«Ничто так мощно и креп-ко не вскрывает глубоко за-ложенную в пьесе правду», — пишет театральный «смех», — Николай Немирович-Данченко в статье о спектакле «Смерть в Пазухине». Эти слова могут быть отнесены и к спектаклю Театра комедии. Щедринская проза раскрылась на его сцене во всей своей правде, точности, яркости.

Н. КОВАРСКИЙ

◆ ◆ ◆

для сынишки, пред-

ставляясь, таким об-

разом, и в качестве

этакого забытого папаши.

Ю. Бубликов в роли Тарелкина идет по тому же трудному пути реализтического решения образа. Все в Тарелкине — Бубликове — и его бегающие глаза, и су-етливость перед властью имущими, и барский пренебреже-ние к людям, от него зависящими, и чумелость неудачливого взяточника, и мучительная зависимость от мертвого хватке Варривана, и ненависть к нему, которая сдер-живается трусостью и боязью за свою шкуру, и, на-конец, его последний моно-лог, например, жест Тарелкина, требующего мазды за свою мерзину.

В строго реалистической манере, без гротеска исполь-зует П. Панков роль мате-риального взяточника и вымогате-ля Варривана. Это — ко-варный и подлый, насквозь лишенный манеризма, умело прикры-вающийся маской добродуш-ности и мягкости, а в действи-тельности безжалостный, па-вительница засталии, а дальше засталии по радиам — Муромского, Лидочки.

В постановке «Делах театра вместе со зрителем выносит свой приговор самодержавию-крепостническому строю, чиновнико-бюрократической ма-шины Российской империи, и прочие... В стороне от этой странной лестницы — гра-ждане империи Российской: «ничтожества, или частные лица», отдавные на съединение чиновников тузов, королей и властел.

Этот пролог, в котором Аникин-художник (он являет-ся и художником спектакля) талантливо осуществляет замысел Аникина-режиссера, — одна из многих удач яркого сатирического спектакля, и он уже сам по себе звучит как обвинительное заключение, которое оглашается на суде. Да, на суде, потому что, повторю, самый спектакль превращается в суд.

Лев ШЕЙИН

ния «от автора», создал яркий, запоминающийся пролог, который является новым приемом в постановках «Дела». Для этого пролога режиссер смело использовал предисловие автора и данные яркие характеристики действующих лиц. Сразу после музыкального вступления на сцене возникает длинная иерархическая лестница чиновничей машины. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи.

Спектакль Театра имени Ленсовета, талантливо поставленный главным режиссером театра Н. Аникиным, несет в себе огромный сатирический заряд. Тем отраднее, что Ленсовет не только обратился к тексту Щедрина, но и доказал свою силу над растленными чиновно-бюрократической Россией.

Спектакль Театра имени Ленсовета, талантливо поставленный главным режиссером театра Н. Аникиным, несет в себе огромный сатирический заряд.

Как только открывается за-наст и зритель слышит обра-щение «от автора» (кото-рое, кстати сказать, в преды-дущих постановках «Дела» никогда не читалось), начинается суд над растленными чиновно-бюрократической Россией.

Н. Аникин, после обраще-

ния «от автора», создал яркий, запоминающийся пролог, который является новым приемом в постановках «Дела». Для этого пролога режиссер смело использовал предисловие автора и данные яркие характеристики действующих лиц. Сразу по-

сле музыкального вступления на сцене возникает длинная иерархическая лестница чиновничей машины. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

нения самодержавно-крепостнического режима и чиновно-бюрократической машины Российской империи. Наверху ее, обласченные в шитые мундиры, сверкающие золотом и орденами, красуются знатные «гвардии», подпись и гильь, а дальше засталии по радиам — таковы были чиновники в самом высоком смысле слова и различное по силе сатирического обви-

В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Высоко в синем небе Ханоя, на древней башне цитадели, але знамя Демократической Республики Вьетнама. Оно реет над славным городом, чьи стены 9 лет назад были свидетелями провозглашения Демократической Республики.

Сегодня Ханой живет большой, полнокровной жизнью. В столицу вернулись правительственные учреждения, общественные организации, редакции центральных газет. Здесь открываются новые школы и новые предприятия, культурные учреждения и клиники. В городе образцовый порядок. Оживленно у кинотеатров, многолюдно в магазинах и на базарах. За покупки можно отыскать надежными денежными знаками республики, которые заменили прежние неустойчивые индо-китайские пиастры.

В Ханое много перемен. Посмотрите на этих вьетнамских пионеров, отправляющихся на экскурсию, — первую в их юной жизни коллективную прогулку. Детям еще непривычно, что не нужно опасаться баодавских полицейских и солдат французских колонизаторов. Беседый грехот барабанов, песни на родном языке взбудоражили утренние улицы Ханоя. И люди останавливаются, чтобы порадоваться этой новизне.

Народное правительство налагает промышленную жизнь города. Все в Демократической Республике Вьетнам ныне, говорит президент Хо Ши Мин, «... сконцентрировано вокруг увеличения производства и экономического процветания». На снимке вы видите один из цехов железнодорожного депо в пригороде Ханоя Жиан-Ламе. Рабочие ремонтируют паровоз, который поедет первый состав по восстановляемой железнодорожной линии Ханой — Нам-Куань. В депо, где еще недавно господствовала эксплуатация, ныне повсюду атмосфера свободного труда. Люди трудятся на себя, на свою родную республику, и это умножает их силы.

Большие события происходят на древней земле Северного Вьетнама. Посмотрите на этих крестьян из деревни Ксом Нга То, на их счастливые глаза. (Снимок вверху, справа). Посмотрите на смеющееся лицо этого пожилого крестьянина, впервые в своей многогранный жизни получившего от новой власти собственное рисовое поле. Еще вчера эти крестьяне утомлены у помещика за чашку риса и по бедности своей ноги силы одну рабуху до тех пор, пока она не истекла на теле.

Достаток приходит в хижины под бамбуковые крыши. Теперь крестьяне смогут жить, как это подобает людям. Вот они несут маленькие таблички со своими именами, знаками, которые расставят на рисовых полях. Нет, не знали — это вехи новой жизни! Недаром жители деревни Ксом Нга То говорят:

«Все это правда, это не сон».

Закон о земельной реформе, принятый Национальным со-

бранием Демократической Республики, — это правильный закон. К этому выводу приходят сотни тысяч крестьян, получивших помеченные землю, буйволов, сельскохозяйственные орудия из рук народной власти.

Сколько сил теперь прибавилось у земледельцев! Они восстанавливают разрушенные французскими колонизаторами оросительные каналы, поднимают пустовавшие прежде земли, очищают запущенные водохранилища, выращивают по два и даже по три урожая риса в год там, где раньше собирали только один. В дельте Красной реки крестьяне обрабатывают с помощью правительства Демократической Республики Вьетнам 24 тысячи гектаров пустовавших прежде земель. В провинции Ха Даонг, впервые после войны, по очищенным и укрепленным каналам и канавам потекла вода в достаточном количестве для орошения 35 тысяч гектаров земли.

И еще пример. В провинциях Ха Даонг и Ха Нам более семи тысяч гектаров рисовых полей оросились в прошлом из водохранилища Лиен-Мак. Когда провинция Ха Даонг была оккупирована французскими колонизаторами, они построили у водохранилища пост и запретили населению орошать свой поля. Шесть месяцев, годы. Дно водохранилища все более засорялось. И вот теперь, после освобождения, тысячи крестьян по призыву правительства вышли на очистку водохранилища. На десять дней раньше намеченного срока были выполнены все работы. Крестьяне вынули из водохранилища более ста тысяч кубических метров земли...

Эти люди, обманутые лживой пропагандой реакционеров, готовы были покинуть родные места, уйти на юг от 17-ти параллели, которая по соглашениям, принятым в Женеве, временно разделила Вьетнам на две части. Каких только бредовых небылиц не распускали враги. Они провокационно заявляли и что «американцыбросят на Северный Вьетнам атомную бомбу», и что у тех, кто останется на севере, будут забирать десятки урожая. Католические священники, эксплуатируя религиозные чувства верующих, утверждают, что под «народной властью» католики лгут своим духам». Но правда жизни оказалась сильнее лживых заклинаний реакционеров. Даже небольшая часть населения, которая поддалась этой пропаганде, смогла скоро убедиться, что демократическая власть правительства Хо Ши Мина — это подлинно народная власть. И вот, довольные, возвращаются они к своим очагам.

Алле знамя с золотой звездой реет над молодой республикой, занятой мирным трудом. Но мир в этом уголке земного шара не устраивает американских империалистов. В нарушение женевских соглашений они хотят помешать национальному объединению всей страны на мирной, демократической основе, на основе полного национального обособления. Они проводят политику раскола. Вьетнам — превращение южной части страны в своем военном плацдарме.

Можно не сомневаться: присыпки врагов мира, тех, кто хочет сорвать мирное урегулирование индо-китайской проблемы, не смогут поколебать решимость вьетнамского народа к объединению страны. С вьетнамским народом — все друзья мира на земле, ибо им понятны устремления народа, который пробудился к свободной жизни, который увидел солнце свободы.

Точно такое же «чудо» повторяется всякий раз, когда американская пропаганда пытается указать направление, откуда будто бы исходит «коммунистическая угроза» для Юго-Восточной Азии.

Действительная же угроза странам Юго-Восточной Азии исходит от организаторов СЕАТО. Их цель — усилить напряженность на Дальнем Востоке, сорвать Женевские соглашения, быстрее превратить Южный Вьетнам в плацдарм американской агрессии в Азии. И не в последнюю очередь — создать вооруженные силы «собого назначения» для совершения актов агрессии против КНР и национально-освободительного движения азиатских народов...

Можно не сомневаться: присыпки врагов мира, тех, кто хочет сорвать мирное урегулирование индо-китайской проблемы, не смогут поколебать решимость вьетнамского народа к объединению страны. С вьетнамским народом — все друзья мира на земле, ибо им понятны устремления народа, который пробудился к свободной жизни, который увидел солнце свободы.

Монгеские особо подчеркивает, что развитие международных торговых отношений не терпит принципиальных или диктумационных мер, запретов и ограничений. «Истинный принцип наарда», — указывает он, — требует, чтобы он не отстранял ни одной нации от торговли со своей страной...

Монгеские резко выступал против захватнических войн, которыми изобиловала современная им действительность. Война, говорил он, является наиболее губительного способом разрешения общественных конфликтов народов и правителей.

«Человеческое право», — писал он, — естественно основывается на принципе, согласно которому различные народы должны во время мира делать друг другу член, чем видеть, что другие порождают сокращением с ними хороших отношений».

Монгеские отношения между народами, по Монгеске, являются важным условием благосостояния людей и всего общества. «Нет ничего славнее и даже полезнее для людей, чем видеть, что другие порождают сокращением с ними хороших отношений».

Состояние мира, а не войны, является естественным состоянием человечества, уверял Монгеске. «Мир является первым природным законом человека», — читаем мы в «Духе законов».

Огромное значение Монгеске придает мирным договорам, которые он рассматривает как воплощение в праве естественного мирного состояния земного мира.

Монгеские один из первых в Западной

Бродячие лгуны помогают Даллесу

Под корреспонденциями Сайраса Сульбергером, публикующимися на видных местах в «Нью-Йорке», стоят обозначения различных пунктов земного шара. Сульбергер неизменно появляется в центре наиболее сенсационных событий. На этот раз он шел свои корреспонденции из Бангкока, где вчера при закрытых дверях началось совещание министров иностранных дел всеми странами-членами агрессивной группировки СЕАТО.

Американская печать задолго до открытия совещания начала рекламировать «зловещие цели и задачи этой встречи, строя все возможные догадки относительно предполагаемой повестки дня. И вот, накануне «исторического события», в «Нью-Йорке таймс» появилась корреспонденция Сульбергера, в которой излагаются уже не доказанные, а факты, почерпнутые из надежных источников». Что же это за факты? Оказывается, «совещание почти наверняка не будет обсуждать положение в районе Тибета». Этим поразительным сообщением искривляется фактическая часть корреспонденции «обычно хорошо информированного журналиста. Даллес идет ряд живописных пассажей, из которых следует, что как раз район Тибета и заслуживает наибольшей пристального внимания собравшихся в столице Таиланда самозванных «защитников» Юго-Восточной Азии. «Именно из этого района», — пишет Сульбергер, — Китай, в концепции счтет, находит охватить с фланга Юго-Восточную Азию, если он не сможет завоевать этот стратегический район прямым нападением».

Из Тибета — определено, протирая глаза, спросит привыкший ничему не удивляться читатель «Нью-Йорк таймс». Но каким образом? А вот каким: «Если Китай, когда-нибудь сможет продолжить себе путь через недопустимые Гималаи, то откроется дорога через Бенгальскую равнину к Калькутте. Существование как Индии, так и Юго-Восточной Азии будет поставлено под угрозу».

Опасность явно вырисовывается не только для Индии, но для всей западной границы только что созданной коалиции СЕАТО. Боковой Пакистан — часть этого союза — находится под угрозой... Проблема неподведомственна касается Индии. А в отношении между Индией и СЕАТО плохое.

Вот где зарыта сокровища! Индия стойко сопротивляется попыткам вьетнамцев в ее агрессивном блоке колонизаторов — СЕАТО. Ее заняли обещаниями экономической помощи. Теперь ее пугают «угрозой», надвигающейся из-за Гималаев. Военные приготовления в Азии, которые совещание в Бангкоке призвано ускорить и активизировать, нуждаются в оправдании, и корреспонденты американских газет сочиняют то одни, то другие небылицы о «коалиции коммунистов», грозящих безопасности и самому существованию стран этого района.

«Американские официальные лица», — сообщает из того же Бангкока достойный коллега Сульбергера корреспондент Ассошиэйтед Пресс — Сайрас Клемент, — выражают серьезные опасения, что политическим вопросом, который больше всего интересует жителей Западной Германии, является воссоединение, а не перевооружение». «Вопрос о воссоединении пользуется сильной поддержкой в Германии», — нехотя признает американский газета «Вашингтон пост». По словам «Нью-Йорк джорнал американ», бомбический канцлер «является сейчас, как никогда, единственным оптимистом в Западной Германии»...

Оптимизм, о котором пишет нью-йоркская газета, весьма смахивает на пропаганду в сатирической литературе оптимизма вольтеровского персонажа, уверявшего, будто все обстоит хорошо, когда в действительности все обстоит плохо. Недаром на заседании парламентской фракции христианско-демократического союза, партии Аденауэра, депутаты говорили, что они боятся появляться на публичных собраниях в избирательных округах. После того, как обербургомист Дюссельдорфа высказался в бундестаге за парламентские соглашения, город был окраин плакатами с его портретом и полной презрения надписью.

Все это вызывает серьезные опасения США и Англии. «Таймс» еще осенне писала, что «чем дальше затягивается ратификация, тем опасность будет больше». И если когда-то западные дипломаты действительно именовали сultанскую Турцию «большими Европы», то похоже, что для некоторых англо-американских политических деятелей в роли хвощающего дитя теперь оказывается 79-летний боннский канцлер. «Нью-Йорк таймс», в частности, горько жалуется, что Аденауэр «не молодеет» и авторитет его «неизбежно падает»...

И это действительно так. Расти оппозиция бонскому канцлеру в христианско-социальном союзе — баварском филиале его партии. Противники парижских соглашений стали многие деятели второй по величине партии правительственный коалиции — Свободной демократической партии. Бывший премьер-министр Вюртемберг — Бадена Рейнгольд Майер обвиняет Аденауэра в подавлении всяких свободных лоббистов в бундестаге. За переговоры о единстве Германии стоит министр юстиции Вюртемберг — Бадена Хаусман. Руководитель организации этой партии в Гамбурге Радемахер заявил, что будет голосовать не только против соглашения о Сааре, но и против ремилитаризации.

М. Ш.

МАДАМ В ПОХОД СОБРАЛАСЬ...

Женя Чай Кайши заявила: «Я совершенно уверена, что королева Англии должна приехать в Китай. Как и когда, я не могу сказать, но наши взоры все время устремлены к этой цели».

(Из газет)

Сия воинственная дама

Резва совсем не по годам,

И следует сказать ей

— Наррасно пыжитесь, мадам!

Вас ждет финал весьма

печальный.

Как ни верти, как ни крути,

Но вам в Китай континентальный

Навек заказаны пути.

Ваш муж — банкрот. К чьему

угрозы?

Они Китай не устрашают.

Он скоро

вышибнет с Формозы

И вас с ваши

чанкишайт!

Сергей ШВЕЦОВ

Рис. Ю. Ганфа

Перед голосованием в Бонне

Сегодня в бонском бундестаге начинается второе чтение парижских военных соглашений. Не один раз намечались сроки этих дебатов, но их приходилось откладывать из-за нестыковок на настойчивые претензии третий раз. Аденауэр произносил долгие речи на митингах, на закрытых совещаниях, на заседаниях фракций коалиционных партий бундестага, ему не удалось устроить разногласия в правящих кругах Западной Германии. «Неуверенность в Бонне» — так западноберлинская газета «Телеграф» характеризует обстановку перед заседанием в бундестаге.

Это признает и американская печать. «Многие из сторонников Аденауэра неожиданно будут голосовать за комплексный план СЕАТО», — пишет корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс. — «Они считают, что политический вопрос, который больше всего интересует жителей Западной Германии, является воссоединение, а не перевооружение». «Вопрос о воссоединении пользуется сильной поддержкой в Германии», — нехотя признает Аденауэр.

Становится ясно, что ратификация парижских соглашений принесет выгоду лишь крупным и промышленным магнатам Рура, наживающимся на гонке вооружений. Недаром уже сейчас, как отмечает сама западногернская печать, «оживание военной конъюнктуры» влечет за собой повышение цен на сырье, уголь, а следовательно и на все другие товары и продукты. На днях на чрезвычайном заседании так называемого «кабинета хозяйств» в Бонне был отмечен, как «особенно впечатляющий опасение», рост цен также на хлеб, молоко, мясо, овощи и ряд товаров широкого потребления.

Разногласия в Бонне показывают, что некоторые представители буржуазных кругов отдают себе отчет в гибельности политики, при которой национальные интересы Германии приносятся в жертву перевооружению в интересах американских монополий. Становится ясно, что ратификация парижских соглашений принесет выгоду лишь крупным и промышленным магнатам Рура, наживающимся на гонке вооружений.

Оптимизм, о котором пишет нью-йоркская газета, весьма смахивает на пропаганду в с